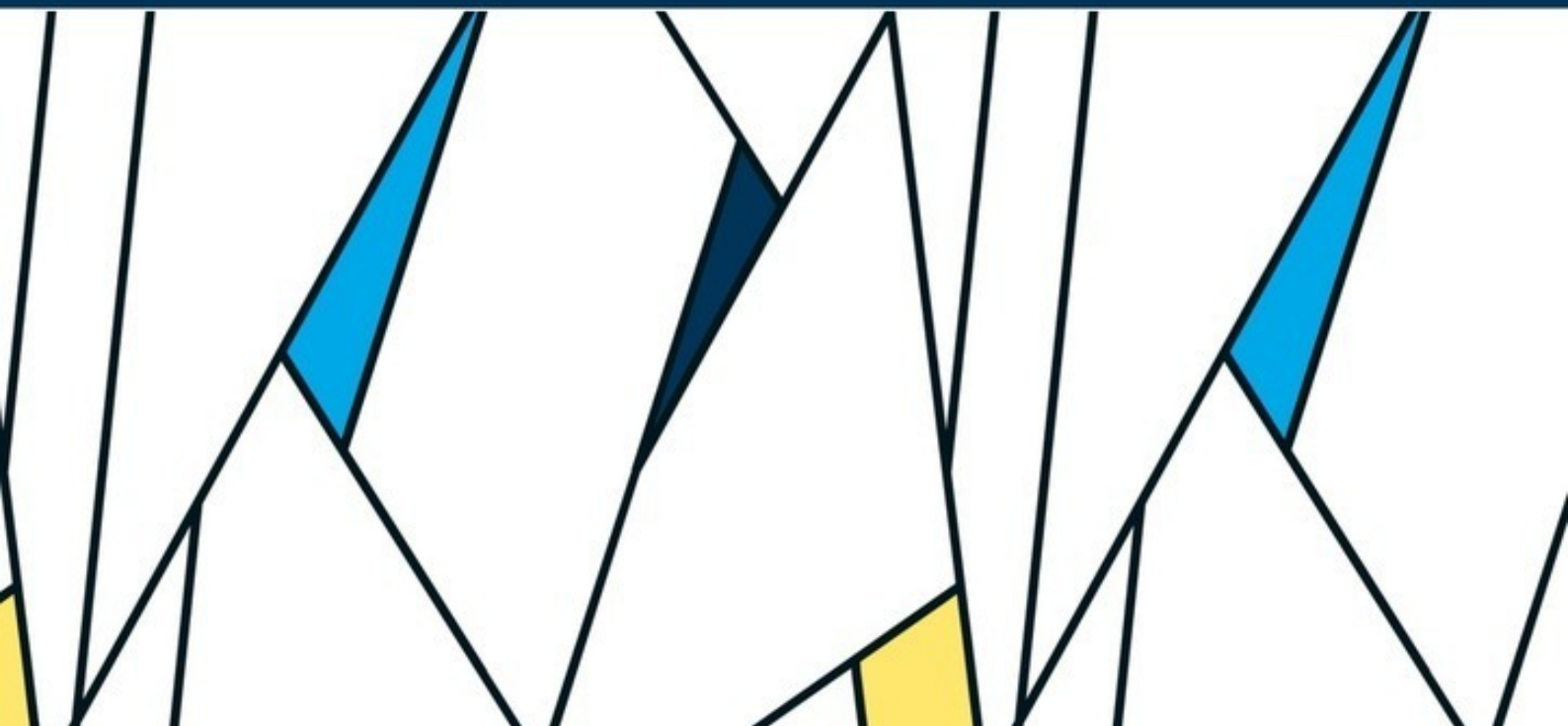

Нина Визгина

*Там, где
кончается
асфальт*

повести и рассказы

Нина Визгина

**Там, где кончается асфальт.
Повести и рассказы**

«Издательские решения»

Визгина Н. А.

Там, где кончается асфальт. Повести и рассказы /
Н. А. Визгина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837549-1

Без любви и веры в лучшее жить нельзя, даже если кажется, что жить уже невозможно. Уходить без надежды на возвращение тоже нельзя — никогда не знаешь до конца, что ждет тебя впереди. Может все, что необходимо для счастья, как раз остается там, откуда мы уходим...

ISBN 978-5-44-837549-1

© Визгина Н. А.
© Издательские решения

Содержание

Повести	6
Там, где кончается асфальт	6
Эта горькая сладкая нежность	22
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Там, где кончается асфальт
Повести и рассказы
Нина Алексеевна Визгина

© Нина Алексеевна Визгина, 2017

ISBN 978-5-4483-7549-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как актер играет свою роль, так и автор не является на самом деле героем своего произведения, даже если пишет от первого лица.

Повести

Там, где кончается асфальт

Там, где кончается асфальт, начинается мое детство. В нем всего два сезона, зима и лето. Почему-то межсезонье мне совсем не помнится, наверное, из-за своей похожести. Зима – это колкий мороз и большие сугробы. Лето – теплое солнышко и быстрые грозы с громкими раскатами грома, и спелые яблоки с глянцевыми боками, и огромные арбузы с засохшими хвостиками, и сладкая патока на палочке.

Жили мы тогда в старом флигеле на территории овощной базы на окраине крупного города. В летние месяцы на нашей базе подрабатывали веселые студенты. Они дружной цепочкой выгружали из вагонов огромные полосатые арбузы и блестящие фляги с патокой. Молодым ребятам было жарко на ярком солнце. Нам с подружкой Лидкой лет по шесть. И вдвоем, стараясь изо всех своих детских силенок, мы притаскивали к разгрузке большой бидон с прохладной колодезной водой. Высокий парень в благодарность за нашу заботу лихо откидывал крышку с распечатанной фляги, вкручивал внутрь свежеструганную палочку, и вот заработанное лакомство в моей руке. Я медленно крутила палочку, чтобы патока не стекала на пальцы, а она янтарилась на солнце, будто настоящий мед. Довольные проделанной работой, мы убежали с подружкой в тенечек, слизывая полученную сладость как мороженое, млея от удовольствия, которого хватало надолго.

Овощехранилище от нашего флигеля, где я жила с родителями, отделял глубокий ров. Туда скидывали древесную стружку, которой прокладывались яблоки в больших деревянных ящиках. Фрукты увозили в магазины, а упаковку сбрасывали в яму. К концу лета она заполнялась доверху, и мы прыгали на стружке как на батуте. И вдруг в этой деревянной свежести наткнулись на большое яблоко, оно аппетитно краснело своим ярким боком, а запах его сразу напоминал нам новогодние праздники. Именно такие яблоки мама укладывала в нижний ящик комода еще с осени. Они смиренно хранились там до Нового года. И вот в углу комнаты, возле заиндевевшего окна, появлялась чудо-елка, а на мохнатых ветках наряду с разноцветными игрушками весело качались грецкие орехи в фольге, рыжие мандарины и настоящие яблоки. Яблоки звали китайскими, может, и правда их привозили к нам из Китая. Белье в комode еще долго хранило их летний аромат.

А зима помнится морозной стужей, замеченными снегом дорожками. В то время детей было много, а школ не очень. И малыши занимались с утра только в первое полугодие, а после новогодних каникул для них начиналась вторая смена. Вот мне восемь лет, и я второклассница. Улицы уже охватывала морозная темнота, когда я возвращалась после уроков. С первого класса никто меня не провожал в школу и после занятий никто не встречал. Тогда люди не боялись ходить по улицам даже ночью. Вот и проходная на нашу базу. Внезапно из темноты улицы на санках выскочили какие-то чужие мальчишки и понеслись мне навстречу, а у меня не было никакой возможности от них увернуться. Мелкие хулиганы, столкнув меня с дорожки, пронеслись дальше, а я провалилась по пояс в глубокий сугроб. Не страшно, но обидно и холодно, валенки полны снега, а над головой безмолвное ночное небо, все усыпанное далекими мерцающими звездами.

С одной стороны наша база примыкала к городу, а с другой мимо нее проходили две железнодорожные ветки. Одна местная – она вела внутрь базы, а за невысоким забором вдоль огородов чернели мазутом шпалы настоящей железной дороги. Там постоянно пролетали поезда, на вагонах мелькали таблички с названиями городов, которые мы иногда пытались найти на карте. Вагонов было много и, считая их, мы загадывали желания на чет не чет.

Летом я постоянно бегала к подружке Лидке через железнодорожное полотно. Между двумя путями возле рельсов зачем-то был врыт металлический столбик. Я отлично знала о нем, но все равно не успевала отвернуть и всякий раз налетала на острый штырь все той же коленкой. Короста от ранки не проходила до поздней осени, и эта отметка детства в виде круглого шрама долго оставалась на моей ноге. Недалеко за внешней железной дорогой стоял большой дом на три семьи, где жили путейщики. В ежедневные обязанности Лидкиного отца входило осматривать ближний участок дорожного полотна.

Дом железнодорожников выглядел добротным, с отгороженным двором, где размещался высокий сеновал и чернел старый заброшенный колодец. Потемневший от времени сруб давно был закрыт тяжелой крышкой и основательно заколочен, но между старыми разошедшимися досками загадочно темнели узкие щели, и, если приложить к ним ухо, было слышно, как в глубине колодца что-то ухало и стонало.

Вдоль сеновала вился узкий балкончик, и с него мы умудрялись прыгать вниз, пытаясь оседлать соседскую свинью. Свинка гуляла тут же во внутреннем дворике и была розовой, толстой и добродушной. Но когда кому-нибудь удавалось все-таки попасть ей на спину, она резко дергалась и так начинала визжать, что закладывало уши. Выигрывал тот, кто дольше мог удержаться на стропливой хрюшке. Другим местным развлечением были прыжки с внешней стороны сеновала на огромный стог сена. Правда, когда мы основательно его разваливали, нас же и заставляли снова сгребать всю траву.

Возле Лидкиного дома рос чудесный яблоневый сад. Яблоки были мелкими, но вполне съедобными. Мамы варили из них варенье, а мы делали вкусные бусы. Мужчины установили в саду настоящие взрослые качели, на которых можно было втроем качаться во весь рост.

А рядом мимо нас все время проносились поезда, грузовые – с длинными платформами и цистернами, и пассажирские – с загадочными вагонами. Вдали виднелся крутой поворот за гору, и они, казалось нам, исчезали там навсегда. Иногда я мечтала: вот дойти бы до этой горы и посмотреть, что же там за поворотом.

Когда я пошла в первый класс, путь мой в школу пролегал мимо непонятной стройки, которую огораживал высокий забор, а по верху его вилась страшная колючая проволока. Иногда сверху на ограждении появлялся дяденька в необычной шапке с опущенными ушами, он молча провожал меня взглядом. Из разговоров взрослых я знала, что на стройке работали пленные немцы. Мне было всего семь лет, и я плохо понимала, кто это такие, но тоскливый взгляд странного человека за суровой оградой запомнился надолго. Наверное, глядя на меня, он вспоминал свою дочку, свой далекий родной дом.

В летние дни за нашим флигелем постоянно зеленело картофельное поле. Оно было общим на трех хозяев дома и разделялось условно, никаких заборов не городили. Соседка бабка Шабурова держала кур и отпускала их туда гулять. Птицам нравилось рыться в огороде, они были глупые и неслись, где попало. В хорошую погоду мы с Лидкой обожали ползать по картошке. Мы такие мелкие, что нас не видно из травы. Земля светло-коричневая и очень теплая, а над головой сквозь картофельную ботву просвечивало лучистое светило. И вдруг между кустами белело яичко. Свою добычу мы сразу выпивали, расковыряв дырочку в тонкой скорлупе. Яйцо было теплым и даже без соли необыкновенно вкусным.

За домашними огородами возвышался огромный деревянный сарай, вдоль него шел просторный всегда пыльный настил. Он оказывался вровень с вагонами, которые подгоняли к складу для разгрузки. Сюда доставляли цемент, песок и тому подобное. Здесь нам было неинтересно.

Наша база представляла собой отдельный замкнутый мир. Со стороны города территория была огорожена высоким забором и охранялась по ночам. Дед мой работал здесь сторожем. На дежурство он выходил с ружьем и сторожевой собакой. Тяжелое ружье было больше меня, а собак имелась целая свора. Песиков держали в отдельном помещении, и детей туда не пус-

кали. Начальницу базы все звали мадам Таракановой или просто Тараканихой. Летом кучер возил ее в легкой деревянной бричке. Такую таратайку я потом видала только в кино. А зимой я ее совсем не помню.

Время было трудное – послевоенное, бедное и голодное. Наши взрослые жили своей жизнью – не жили, а скорее выживали, а мы, дети, росли как бы сами по себе. Видимо, родители считали, что в отгороженном, охраняемом месте с нами ничего худого случиться не могло. И возможно, именно эта предоставленная без ограничений свобода забирала от нас столько энергии, что на капризы и проступки нас просто не хватало.

Далеко за внешней железной дорогой простиралось настоящее болото. Это потом, спустя десятилетия, его осушат, разобьют сады, снесут их и построят огромный жилой массив. А пока там был простор, росли камыши, цвели лилии и кувшинки. Каждое лето мы отправлялись туда за цветами. Но болото уже начинало мельчать, слой тины на дне с каждым годом увеличивался, и однажды меня основательно стало засасывать. Страх не было. Наверное, детям не дано в полной мере сознать грозящую опасность. Может быть поэтому, совсем не паникуя, я и выкарабкалась самостоятельно, просто очень неприятно было находиться в жидкой грязи почти по пояс. Лилии крепко держались стеблями за дно. Цепляясь за них, я и выбралась на берег. Но неприятное ощущение трясины запомнилось на всю жизнь. В болото я уже не лезла никогда.

Еще помню там длинный ручей, вернее канаву. Ее вырыли специально, чтобы вода из болота уходила по руслу, а не разливалась на лугу, где пасли коров. Мостик через канаву был узеньким в одну доску. Если прыгать, доска пружинила, а вода сверкала на солнце. Однажды Лидка подпрыгнула и пролетела мимо, прямо в воду, где для взрослого воды по пояс, но для нее оказалось с головой. Никто из нас в то время, конечно, не умел плавать. Но мы всегда были предоставлены сами себе, и мне и в голову не пришло, что надо кого-то звать. Смутно помню, как спустилась в канаву и вытащила девчонку за подол платья. От испуга или от неожиданности, но она даже не нахлебалась воды. Родители так ничего и не узнали о нашем мокром приключении. Платья мы тут же застирали и высушили прямо на себе под лучами весеннего солнца.

А платьишки были очень красивые, белые с цветными петушками, и носочки на нас были белые, потому что гремел праздник 1 Мая. В те годы это было почти лето, и мы с родителями к тому времени уже успели вернуться с демонстрации. Телевизоров тогда никто у нас не имел, взрослые во всю гуляли за столом, а дети развлекались, как могли. Мы резвились в своем особом бесхитростном мире – с весенними бабочками, зеленой травкой и неограниченной свободой.

В наивном волшебном детстве, отгороженном от внешнего мира, прошли мои первые восемь лет. Даже посещение школы в младших классах было просто кратковременным выныриванием из этого волшебства.

***

Все кончилось внезапно в то жаркое лето после окончания второго класса, когда я впервые поехала в пионерский лагерь. Оказалось, что существует другой детский мир, где все расписано по часам, где тобой все время командуют, и сверстники твои могут быть жестокими, а взрослые суровыми. И спать приходится в огромной палате, где таких как ты – еще двадцать девчонок.

А начало поездки обещало быть таким замечательным. Мама работала недалеко на большой автобазе, где было много каких-то складов и машин, и должность ее называлась очень загадочно и непонятно «диспетчер-экспедитор». Там и дали ей путевку для меня в детский лагерь. Но на автобус, который увозил детей в нашу смену, я опоздала, потому что в тот день маме внезапно стало плохо. Только потом, много позже, я узнала, что в то время она ждала ребенка.

Отец тогда находился в очередной командировке. Я так редко вспоминаю о нем, потому что почти не помню его присутствия в своем детстве. Он служил в каком-то военном ведомстве и постоянно был в разъездах. А жили мы с его приемными родителями, которые приютили парня, когда вымерла от какой-то заразы вся его деревня еще в довоенное лихолетье. Голод пригнал его мальчонкой в наш город, куда добирался он в вагоне, груженом картошкой. Так и прибыл на овощебазу, здесь и нашел его дед и приютил. Своих детей у них с бабкой не было, так как подорвала когда-то его жена свое здоровье женское на народной стройке гигантского завода.

Маму мою отец привез из очередной командировки с Дона. Была она тоже сиротой, мыкалась там после войны по чужим углам и потому рада была выйти замуж и уехать, чтобы основать свой собственный дом. Вот и стал таким домом для нее наш флигель внутри овощной базы. Но радость в семье закончилась для нее с моим рождением, так как родилась я, девочка, а мужу нужен был только сын. Из своих поездок он иногда привозил подарки старикам и жене, мне же никогда. Во всяком случае я этого не помню. Поскольку я не знала, как живут дети в других семьях, мне и в голову не приходило обижаться на него. Я принимала все как должное и жила спокойно в своем обособленном мире.

И вот я, дождавшись приезда скорой помощи и пообещав маме, что обязательно уеду в пионерлагерь, поспешила к ее проходной, откуда должны были отъезжать служебные автобусы. Старый чемоданчик с вещами больно колотил по моим разбитым коленкам, но я упорно продолжала тащить его по пыльной жаркой дороге. И все-таки опоздала. Я еще успела увидеть хвост последнего автобуса в колонне, но никому не было дела до чужого опоздавшего ребенка. Поставив чемодан на землю, я присела на него и даже не заплакала, а просто закрыла глаза и сжала зубы от безысходности.

Неожиданно кто-то негромко меня окликнул. Я открыла глаза – рядом стоял невысокий мальчишка. Он смутно показался мне знакомым. Ну, конечно, я видела его на переменах в школе, и даже вспомнила, что звали его Павликом. Он учился в параллельном классе, и, скорее всего, был моим одноклассником, хотя едва доходил мне до плеча. В школе этот паренек был известен тем, что только за ним после уроков приходила персональная машина его отца. Черный блестящий автомобиль на школьном дворе казался сказочным творением из другой жизни.

Вот и сейчас роскошная машина стояла недалеко от ворот, а из ее приоткрытого окна на нас пристально смотрел незнакомый мужчина. И тут непрошенные слезы потекли по моим щекам и не столько из-за того, что я опоздала, а потому, что мелкого мальчишку кто-то заботливо ждал в машине, а я сидела здесь одна, забытая всеми. Неожиданно Павлик стал гладить меня по голове и успокаивать как маленького ребенка. Так состоялось наше знакомство. Как оказалось, отец собирался взять его в тот же пионерлагерь, и, благодаря этой случайной встрече, я все-таки туда попала. Никогда не забуду путешествия в огромной сверкающей машине. То была моя первая поездка в автомобиле, и никогда потом в будущем ни одна иномарка не могла вызвать у меня подобного восторга.

В пионерском лагере мне было очень одиноко. Все казалось чужим и незнакомым. По воскресеньям детей навещали родители, привозили гостинцы. Они забирали своих чад и уходили отдыхать к реке. Ко мне никто не приезжал. Я догадывалась, что мама продолжала болеть, иначе она бы обязательно приехала меня проведать. Без взрослых детвору на речку не отпускали, так и сидела я одна возле корпуса, с тоской глядя, как плещутся другие ребята в купалке под ласковые окрики своих мам.

В первый же день посещения к Павлику приехали родители. Я увидела его в тот день только вечером. Он сам подошел ко мне после ужина. В руках мальчик держал яркую коробку с шоколадными конфетами, где каждая конфетка была завернута в цветную фольгу. Такую красоту я не видела даже в самом крупном гастрономе возле нашей школы, куда водила меня

мама в день своей полочки. Конфеты мы дружно съели в тот же вечер, а коробку с фантиками Павлик оставил мне.

К концу смены объявили о готовящемся карнавале, и все бросились придумывать себе костюмы. Мне и в голову бы не пришло участвовать во всей этой шумихе, если бы не мой новый дружок. Павлик с таким энтузиазмом принялся придумывать нам карнавальные костюмы, что мне ничего не оставалось, как подчиниться. Зная о традиции устраивать костюмированное шествие в конце смены, родители еще раньше привезли ему необходимые вещи для костюма пирата, и сейчас все силы были брошены на меня. Я должна была стать цыганкой, подружкой пирата. Мы наделали из картона серьги и браслеты и обернули их золотинками от съеденных конфет. Моя вожатая, увидев наши украшения, тоже решила принять участие в создании моего костюма и раздобыла у девочек из старшего отряда три цветных юбки разной длины. Я смутно помню тот карнавал, так как очень смущалась своего яркого костюма и распущенных завитых волос.

Но самым удивительным и неожиданным для меня стало получение первого места за свой костюм. Я была слишком возбуждена, чтобы веселиться, больше всех за меня радовался Павлик. И каким же замечательным оказался приз за наряд! Возможно, именно этот подарок тогда и определил мое будущее. То была большая коробка с акварельными красками и набор кисточек. Краски были не обычными, а медовыми, кисточки же оказались необыкновенно мягкими. Именно с этих красок и началось тогда мое увлечение рисованием.

Смена закончилась праздничным вечерним костром и вручением гостинцев. В то время не было красочных пакетов. Набор из конфет, орехов и печенья заворачивали в простую плотную бумагу в виде фунтика. На следующий день за Павликом прислали машину, и он уехал раньше меня – сразу после завтрака. Домой нас повезли на автобусах после плотного обеда, чтобы подвезти к проходной в конце рабочего дня родителей. Меня никто не встретил. Я немного подождала, но уже начинало смеркаться, все разошлись, и я поняла, что оставаться дольше не имело смысла. Так и потопала по шпалам домой одна, разместив поудобней свою ношу.

Шла и недоумевала – куда все могли подеваться? Если мама до сих пор болела, а отец как всегда в отъезде, то дед или бабка могли бы меня встретить. Они-то куда пропали? Вот и наша проходная, рабочий день закончился, на территории овощебазы никого нет, въездные ворота закрыты. Отсюда уже виден наш флигель. Вокруг стояла непривычная тишина, даже собаки не лаяли. Вечернее солнце подсветило все красным, и от этого вид нашей стороны дома показался мне непривычно мрачным и неприветливым. Даже родная кошка не вышла меня встречать, хотя калитка в палисадник оказалась не заперта.

И тут я разглядела, что стены дома и входная дверь черны от копоти, оконные стекла хотя и целы, но мутные, а кое-где в непонятных мелких трещинках. Из незакрытого дома сильно несло гарью, и нигде никого нет. Мне очень страшно. Такое ощущение, что здесь уже давно никто не жил. Попытка включить свет окончилась неудачей – электричества в доме не было. Побросав вещи, я побежала к соседней бабке, но у нее было заперто, а на двери других соседей тоже висел замок. Такое безмолвие вогнало меня в шок. От заполняющего ужаса я не могла даже пошевелиться. Внезапно раздался резкий гудок, и вдалеке по путям мимо поехали вагоны пассажирского поезда. Знакомая картина вывела меня из оцепенения, и я побежала к домику Лидки. Там и узнала я, что произошло в нашем флигеле в мое отсутствие, еще не осознавая до конца, какая беда вошла в мою жизнь.

Оказалось, мама до сих пор лежала в больнице, а дед с бабкой задохнулись от оставленной без присмотра печки. Их уже и схоронили. Где сейчас находился мой отец, никто из соседей не знал. Последний раз его видели на похоронах стариков. Эту ночь я провела у подружки, а на следующий день попыталась увидеть маму. Мне рассказали, где она лежала, но попасть к ней я так и не смогла – из-за какого-то непонятого карантина меня к ней не пустили. Где

находилась работа отца, я толком не знала. В пустом доме без света жить страшно, но деваться было некуда, и я продолжала там обитать одна как в жутком сне. Денег я не имела, приготовить горячую еду было не на чем. Я пила колодезную воду с конфетами из подарка, пекла на костре картошку. Очень хотелось хлеба.

В таком кошмаре прошло несколько дней. Каждое утро я бегала в больницу и, наконец, меня пропустили. Я сидела в мрачной палате, испуганная очень бледным маминым лицом, а она молча гладила меня по голове и тихо плакала. Мама спрашивала, не обижает ли меня отец, а я не знала, что ей отвечать, так как поняла, что она не догадывалась об его отсутствии. Сидеть у нее долго в палате мне не разрешили, и, так и не рассказав ей ничего, я отправилась обратно в наш пустой дом.

По пути я решила зайти на мамину работу в надежде узнать там хоть что-нибудь об отце. Ничего другого в голову мне не приходило. Но пока добиралась из больницы, от усталости, а может быть просто от голода, возле проходной вдруг почувствовала такую слабость, что пришлось присесть на лавочку. Здесь и увидел меня Павлик. Он в это время встречал отца после работы, чтобы вместе с ним отправиться на прогулку. Мальчишка радостно запрыгал вокруг меня, но его отец, увидев мое состояние, резко одернул сына.

Игорь Сергеевич Хром, так звали отца Павлика, был начальником предприятия, возле ворот которого я сидела, и где работала моя мама. Он рассматривал меня очень пристально и чуть брезгливо. Сейчас, спустя столько лет, я вижу себя его глазами – худую, высокую девочку в помятом несвежем сарафанчике, в растоптанных пыльных сандаликах. Подошедший мужчина показался мне страшно высоким и сильным. На его вопрос, почему я здесь, неожиданно я начала ему рассказывать все, что случилось со мной после приезда из пионерского лагеря. Я почти неделю так мало общалась с людьми, что говорила и говорила, и никак не могла остановиться. Кончилось это тем, что Павлик принес полный стакан воды, и они заставили меня выпить всю воду. Так случилась моя первая истерика, а встреча с Игорем Сергеевичем стала началом нового этапа моей жизни и определила всю нашу дальнейшую судьбу.

Вечером того же дня я оказалась в доме Хромов. Они занимали огромную квартиру в сером многоэтажном доме в незнакомом мне районе города довольно далеко от нашей школы. Там я впервые увидела такие вещи как хрустальные люстры на лепнине потолков, картины и зеркала на стенах, и благоустроенный туалет и ванную, и блестящие краны над кухонной раковиной. Встретила нас невысокая, но очень полная тетка – баба Нюра, домработница. Она смотрела на меня с жалостью, но очень строго. При входе я сняла свою обувь, и на пыльных ногах остались незагорелые следы от сандалий. Не знаю, что сказал обо мне Игорь Сергеевич, но взгляд бабы Нюры немного потеплел, когда она повела меня в ванную мыть руки. Помню, что больше всего меня в ней поразили бусы на ее полной шее. Бусины были очень крупные, гладкие, будто наполненные медом. Тогда я еще не знала, что такое янтарь, но эти солнечные бусы отметили светлым пятном начало моей новой жизни.

Ужинать все собрались в зале за большим овальным столом. В углу возвышалось черное блестящее пианино. В школе у нас проходили уроки пения, и в актовом зале тоже стояло пианино, но этот инструмент показался мне необыкновенно красивым. Над крышкой и по бокам его шла затейливая резьба, но самым замечательным украшением смотрелись канделябры, крепившиеся по краям над клавишами. В подсвечниках торчали толстые белые свечи, а по верху пианино выстроились слоники. Сколько их было, я не знаю, мне всегда что-нибудь мешало их сосчитать. Помню только, что почти одинаковые по размеру, они все были разные по цвету. Особенно красивыми мне казались голубая и зеленая фигурки.

Наступил поздний вечер, когда пришли Марина Николаевна и Андрей. В это время мы сидели в комнате Павлика и рассматривали его игрушки. В тот вечер меня оставили ночевать в их доме. Мальчик рассказал, что маму свою он почти не помнил, так как она умерла, когда он был совсем маленьким. Марина Николаевна приходилась ему мачехой, а Андрей это ее родной

сын, и ему уже тринадцать лет. Павлику хорошо с новой мамой и ему очень нравилось, что у него есть старший брат, который всегда за него заступает. А еще Андрей очень умный, он занимается в техническом кружке Дома пионеров, где его всегда хвалят, гордо добавил Павлик.

Много позже, я узнала грустную историю любви Игоря Сергеевича. И Андрей, и Павлик были его родными сыновьями, но от разных женщин. И если бы мать Павлика была жива, то он остался бы с ней. Но судьба распорядилась иначе – мама младшего сына умерла вскоре после родов. Марина приняла мужа вместе с малышом обратно, так как продолжала любить его, не смотря на измену, к тому же Андрей обожал своего отца. Братья жили очень дружно. Ради детей в семье царил мир и покой. Марина не укоряла мужа прошлым, а тот в свою очередь старался не давать ей для этого повода.

Всю семью Хромов я увидела на следующий день за завтраком. Марина выглядела очень красивой статной дамой. Она будто и не заметила моего присутствия за столом, ела молча, сосредоточенно о чем-то думая. Андрей же сразу дернул меня за косичку и спросил, откуда взялась здесь такая доходяга. Но я не обиделась, а уставилась на него, не мигая. Таким прекрасным он мне тогда показался – будто сказочный герой из моих книжек забежал на нас посмотреть. Высокий, стройный, с копной непослушных едва выющихся каштановых волос Андрей, презрительно сощурившись, продолжал потешаться над моей внешностью. Цвет его глаз я тогда не рассмотрела. Еще не знала я, сколько боли и слез принесет в мою жизнь этот молодой человек.

Павлик же сразу стал заступаться за меня перед братом, выговаривая ему, что нельзя обижать девочек, тем более, что я у них в гостях. На такую тираду Андрей только рассмеялся, заметив, что братик мог бы выбрать себе подружку пониже или хотя бы не такую замурзанную. Слезы уже готовы были хлынуть из моих глаз, когда вдруг раздался сердитый голос Игоря Сергеевича. Он так резко потребовал, чтобы Андрей вышел из-за стола, что я даже вздрогнула. Не зная, как вести себя дальше, я просто замерла, не в силах проглотить кусок и вдруг стала задыхаться. Павлик первым подскочил ко мне и начал, успокаивая, гладить по спине. От прикосновения его детских ладошек дыхание мое быстро пришло в норму, и пока взрослые разбирались с Андреем, мы выскочили из-за стола.

Так приняв дружеское участие в своей судьбе со стороны отца Павлика, я нажила врага в лице его старшего брата – человека, которого долгие годы мечтала иметь своим другом. После злополучного завтрака все разбежались по своим делам. Игорь Сергеевич пообещал мне разобраться с моими делами, а пока мы с Павликом отправились в школу узнать о начале занятий. Лето заканчивалось. Обедать с Павликом я отказалась. Мне не хотелось встречаться с бабой Нюрой, уж очень сурово она мне выговаривала за грязные ногти и платье накануне вечером, а у меня не было ни сил, ни желания что-либо ей рассказывать. Вот отцу Павлика я рассказала все, с ним я чувствовала себя легко и свободно.

Вместо обеда я решила проведать маму. Каково же было мое удивление, когда в ее палате я увидела Игоря Сергеевича. Он что-то тихо говорил маме, та согласно кивала головой, промокая салфеткой бежавшие по щекам слезы. Это было так неожиданно, что я выскочила обратно в коридор и все не решалась снова зайти. Наконец, Игорь Сергеевич вышел, но, заметив меня, взял за руку и вернулся в палату. И там мама сообщила мне, что скоро ее выпишут, а пока мне придется пожить у дяди Игоря.

Те несколько волшебных дней запомнились мне своей легкостью, сытостью и теплотой. Я сбегала домой за чистой одеждой. В нашем доме по-прежнему гуляла пустота, но мы зашли туда вместе с Павликом, и мне уже не было так страшно. Баба Нюра сама помыла меня в их чудесной белой ванне. Она до боли терла мою правую руку, приговаривая при этом, что никак не может отмыть темное пятно. Мне стало смешно, я поняла, что за грязь она приняла родимое пятно, которое у меня имелось на запястье в виде правильного овала с самого рождения. Это метка ангела, чтобы я всегда могла тебя найти, шутила обычно мама, когда мы мылись

в городской бане. Все то время, которое мне довелось провести в доме Хромов, я старалась не попадаться на глаза Андрею и его мамаше, интуитивно чувствуя их неприязнь. Обычно летний день мы с Павликом проводили на улице, а по вечерам занимались своими делами в его детской. Иногда из зала раздавались звуки музыки – это играла Марина. Нежная музыка лилась по затихшей квартире. По словам Павлика, отец очень любил слушать, как она играет. Я же в зал не выходила, и дружок из солидарности сидел вместе со мной. За все те дни, что я провела в их доме, Марина так со мной ни разу и не заговорила.

Но вот, наконец, я дома. Из больницы нас с мамой привез сам Игорь Сергеевич. Я была еще слишком мала, чтобы удивляться такой заботе со стороны человека, с которым мы раньше даже не были знакомы.

***

Наступил следующий период моей жизни – без отца. Так уж вышло, что мои родители официально в браке не состояли, у нас с мамой была ее девичья фамилия, а у отца своя. Он давно жил с другой женщиной, которая недавно родила ему сына, и мой отец официально на ней женился. Я и раньше не особо чувствовала его присутствия в своем мире, а теперь и вовсе в этом не нуждалась. Только за маму было очень обидно. Мне казалось, что она до сих пор не могла его забыть.

Начался новый учебный год. К моему удивлению в нашем классе оказался и Павлик. Машина больше не встречала его после уроков. Позже я узнала, что он наотрез отказался от такой опеки, особенно когда старший брат стал постоянно высмеивать его подружку, то есть меня. Я долго не могла понять, чем же так не понравилась этому парню. В любую непогоду после школы Павлик провожал меня домой. Он стал моим лучшим другом. В хорошую погоду мы играли на территории нашей овощебазы или в яблоневом саду соседей. Там часто к нам присоединялась моя подружка Лидка. Поначалу она будто и не замечала моего нового товарища или даже открыто смеялась, что он ниже нас – девчонок, пока не узнала, кто его отец. С тех пор она из кожи лезла, чтобы он с ней тоже подружился. Иногда даже увязывалась за нами в город, но Павлик никогда не приглашал ее к себе домой. Почему-то еще с первой встречи он невзлюбил Лидку и был очень доволен тем, что мы учились с ней в разных классах.

В ненастье Павлик тащил меня к себе. Баба Нюра встречала меня всегда приветливо, особенно с тех пор, как я потрясла ее своим подарком. В начале осени у нее был день рождения, и я подарила ей кухонную доску, расписав ее волшебными синими цветами. Правда, подарок мой нельзя было мочить водой, чтобы не смылись краски, но пораженная такой красотой Нюра и не собиралась использовать доску по прямому назначению. Она повесила ее как картину у себя над комодом, и всякий раз хвасталась ею перед своими гостями. Об этом мне потом смешно рассказал Павлик.

Нюра роскошно кормила нас, и мы отправлялись в кабинет хозяина, весь заставленный книжными полками. Особенно мне нравилось рассматривать художественные альбомы. Меня все больше захватывал мир живописи. Дома все свободное время я проводила за рисованием. Никто со мной не занимался, не у кого было спросить совета, и я наносила акварель на бумагу согласно своему настроению. Особенно я полюбила синий цвет. Сочетание синего с желтым станет основным фоном всего моего взрослого творчества. В будущем, занимаясь в Ленинграде в Художественной академии, я услышу от своего любимого профессора, что должна быть благодарна судьбе за то, что не было у меня в детстве учителей рисования, и потому никто не навязал мне чужую манеру письма.

День рождения Павлика приходился на Новогодние каникулы. Тогда я впервые увидела, какое впечатление производит на незнакомых людей плод моего искусства. Наверное, самым верным словом для описания состояния гостей было потрясение. Ну, разве можно было ожидать от невзрачной пигалицы такого буйства цвета и энергии. То был просто желтый цветок на синем фоне, но лепестки его так трепыхались на ветру, что казалось, он изо всех сил пытался

оторваться от земли и взмыть в ослепительную синеву неба к убегающему в закат янтарному солнцу. Весь рисунок был пронизан таким страстным желанием достижения цели, что хотелось или подтолкнуть цветок или задержать светило, только бы успели они встретиться. Я так и назвала свою картину «Встреча». Рисунок я выполнила на плотной бумаге размером с половину моего письменного стола. Мама принесла мне как-то целую пачку такой бумаги, видя мое настойчивое желание рисовать.

И только один человек упорно меня игнорировал в этом доме. Андрей будто мстил мне за то, что и брат, и отец всегда вставали на мою защиту, когда он надо мной насмеялся. С самой первой встречи он не мог удержаться от какой-нибудь колкости в мой адрес. Все во мне его почему-то раздражало. Не знала я тогда, что Андрей увидал однажды, как его отец провожал мою маму после родительского собрания. Он как старшеклассник учился тогда во вторую смену, собрание кончилось в одно время с его занятиями. Проходя по школьному двору, Андрей вдруг услышал звонкий смех отца. Они стояли недалеко, о чем-то тихо беседуя – Игорь Сергеевич и незнакомая молодая женщина. Давно старший сын не помнил отца таким веселым. А на следующий день Андрей заметил эту женщину возле школы вместе со мной. При дневном свете он смог лучше рассмотреть ее, и его поразило то, как она была похожа на покойную мать Павлика. Андрей сразу догадался, что именно привлекло отца в моей маме.

С того дня он не мог спокойно меня выносить, я напоминала ему о тайной симпатии его отца. Видя, как раздражают отца его нападки на меня, в конце концов, он решил просто со мной не встречаться. А мне так хотелось, чтобы он меня заметил. Я даже записалась на занятия в Дом пионеров, мечтая его там увидеть. Это был дом технического творчества и единственным приемлемым для меня оказался кружок по изготовлению искусственных цветов. Сколько же понаделала я их там за полгода, ярко-синих с желтыми глазками. Но все мои усилия оказались напрасными, с Андреем мы не встречались. Даже, если он находился дома, то никогда не выходил из своей комнаты во время моего пребывания у них. В то время я еще не знала, что он намеренно избегал со мной встреч.

***

Летели школьные годы. Многое изменилось за это время. Павлик вдруг начал быстро расти, а я наоборот расти перестала. К седьмому классу он уже был на голову выше меня, и ему это очень нравилось. Мы по-прежнему крепко дружили. Я уже давно перестала таскаться по школьным кружкам, отдавая все свободное время рисованию. Павлик увлекался техникой и спортивной борьбой, к которой пристрастил его старший брат. Они вместе занимались в спортивном клубе института, где учился Андрей.

Помню, как удивилась я, когда впервые у Павлика на столе обнаружила портрет его матери, приняв его за фото своей мамы. Только приглядевшись внимательнее, я поняла, что снята совсем другая женщина, но до такой степени они мне показались похожи. Возможно, просто одинаковость причесок и фасонов платья послевоенного времени давало такой эффект, но не только я уловила это подобие. Именно внешним сходством с любимой женщиной был поражен Игорь Сергеевич, когда впервые увидел мою маму, случайно встретив ее на проходной. Произошло это задолго до моего знакомства с Павликом, когда мама только поступила на работу. Уже тогда она ему очень понравилась, но слишком разные у них были пути, никак они не пересекались. Казалось, не было ни малейшего шанса им познакомиться ближе, пока не вмешался случай – и случаем этим стала я. Получилось, что именно я свела этих двух людей вместе. Мама была одинока, а Игорь продолжал любить погибшую мать Павлика. Не знаю, насколько моя мама действительно была на нее похожа, но с самого начала знакомства Игорь был очень добр к ней. Их отношения развивались в тайне от нас с Павликом, и только Андрей в то время догадывался обо всем. Сейчас, став взрослой, я понимаю, как обидно ему было за свою мать, которую отец предавал во второй раз. В любви назад вернуться невозможно. Он не понимал того, что возвращение отца в семью, вовсе не означало возврата к его матери.

Только этим я могу объяснить его ненавистное отношение ко мне. Не смотря на сложные взаимоотношения с Мариной, Игорь Сергеевич очень любил своего старшего сына и всегда принимал деятельное участие в его делах. Благодаря отцу Андрей успешно занимался в самом престижном институте города.

Мы с Павликом кончали школу, а Андрей учился на последнем курсе, когда случилось самое серьезное и тяжелое для всех нас испытание. К тому времени Игорь Сергеевич все-таки ушел от Марины к моей маме. Таким образом, Павлик стал мне сводным братом, а Андрей окончательно меня возненавидел. Они с матерью остались жить в старой квартире вместе с бабой Нюрой, а мы вчетвером переехали в новый дом. Из-за переезда нам пришлось поменять школу. Так я окончательно бы потеряла связь со своим вольным детством, если бы не Лидка. С ней мы иногда встречались. Хотя мы и были ровесницами, выглядела она намного взрослее меня. К концу школы я из-за своей худобы продолжала выглядеть неуклюжим подростком, Лидка же наоборот набрала такие формы, что ей часто вслед на улице оборачивались взрослые мужчины. Подружке это жутко нравилось, меня же наоборот очень смущало, так что я старалась избегать прогулок с ней вдвоем. Мы теперь учились в разных школах, но она часто встречала меня после занятий, и мы ходили в кино или просто гуляли по городу. И, конечно, постоянно нас сопровождал Павлик. Мне тогда и в голову не могло придти, что не из-за симпатии ко мне и не потому, что наша школа располагалась ближе к центру города, а из-за братьев Хром прилипла тогда ко мне Лидка. Это от нее Андрей узнал о встречах его отца с моей мамой. Это Лидка наговорила ему, что именно я виновата в том, что Игорь Сергеевич вновь бросил его мать, так как мне всегда не доставало отеческой заботы, вот я и прилипла к его отцу. При этом она изо всех сил старалась увлечь Павлика, соображая, что Андрея ей не заполучить никогда и ни за что.

А я, как всегда, ничего не замечала. Рисовала и рисовала, как одержимая. В моих акварелях расплавленное солнце металось в синеве неба, ветер раздувал золотые паруса шхун на синих морских просторах, стаи желтых диковинных птиц парили над васильковыми полями. А в глубине стола хранился альбом с портретами, который я не показывала никому. Там были портреты моих родных, друзей и просто хороших знакомых и Андрея, Андрея и еще раз его. Я рисовала его по памяти, так как редко видела, и обычно только издали. Ни он, ни я не стремились к сближению. С его стороны всегда чувствовалась неприязнь, которая обычно вызывала у меня недоумение и растерянность. Но он приходил ко мне во снах, стоял рядом, когда я рисовала. Он всегда был со мной, в моем сердце и я ничего не могла с этим поделать. Не знаю, что это было. Если любовь, то почему так больно и горько. Он был как заноза. Я хотела бы избавиться от нее, но не знала как. А может, это была реакция на незаслуженную обиду, и мне просто хотелось ему доказать, что я такая замечательная, такая талантливая, такая хорошая и ни в чем перед ним не виновата.

А Павел? Он постоянно находился рядом, и все это видел, но молчал. Мы никогда не говорили с ним о моих отношениях с Андреем, однако я была уверена – что бы ни случилось, верный дружок всегда заступится за меня. Но даже мой преданный и такой разумный Павлик не разглядел, какой подлой оказалась разлюбленная Лидка. Тогда я еще не знала, что нет хуже врага, чем близкая подруга, особенно если ей нужен парень, которому нравишься ты, а не она.

Напакостить мне она решила в День рождения Павлика. Еще продолжались Новогодние каникулы, и мы собрались отметить его семнадцать лет под разукрашенной елкой. Уже были задуты свечи на праздничном торте и выпит чай. Молодежь начала танцевать, когда ко мне вдруг подошла Лидка и сказала, что меня просил зайти в кабинет Игорь Сергеевич. Я знала, что родители ушли провожать домой бабу Нюру, и очень удивилась тому, что сказала Лида, но переспросить ее не успела. Она уже убежала танцевать, утащив за собой Павлика. Я видела, что в кабинете горел свет, и решила проверить, кто там есть, но когда вошла, свет внезапно погас. Чьи-то сильные руки обхватили меня и начали расстегивать блузку. От неожиданности

и страха, как это обычно бывало со мной, я окаменела и начала задыхаться. А Андрей – это был он – молча продолжал меня раздевать. Я потеряла сознание. Что было дальше, знаю только со слов Павла. Он видел, как я вошла в кабинет отца, и как там погас свет. Сначала он подумал, что я и пошла туда, чтобы его выключить, поскольку тоже считал, что там никого нет. Но время шло, а я все не выходила из темной комнаты. Ему стало очень тревожно, а Лидка все сильнее прижималась к нему и не отпускала. Павел вдруг ясно услышал, как я задыхаюсь. Когда он вбежал в кабинет и включил свет, я без чувств лежала на полу, а Андрей стоял надо мной и ухмылялся, вертя в руках мою блузку. Тогда впервые в жизни Павел ударил брата. Очнулась я от его прохладных ладоней на моем разгоряченном лбу. Родные глаза смотрели с такой любовью, что сразу прошли все мои страхи. Я обняла его и все спрашивала, что произошло, так как совершенно не помнила, как попала в кабинет и почему очнулась раздетой.

Все оказалось просто и банально. Лидка сообщила Андрею, что я назначила ему здесь свидание, поскольку от него без ума. И Андрей решил меня проучить, а заодно раскрыть глаза младшему брату, мол, какая я на самом деле дрянь. Мы сидели втроем, закрывшись в кабинете. Андрей прижимал холодный стакан к скуле, где уже проявлялся приличный синяк, а Павлик, обняв одной рукой, все продолжал гладить меня другой, как маленькую, стараясь унять колотившую меня дрожь. Все молчали. Первым заговорил Павлик. Никогда еще я не видела его таким суровым и печальным, как будто он предвидел, что в будущем ему всякий раз придется выбирать между мной и старшим братом. Тогда впервые Павел объяснился мне в любви, но слова признания он адресовал своему брату. Закончился злополучный вечер тем, что Андрей скупко сказав мне «Прости», клятвенно заверил младшего брата, что никогда больше и близко ко мне не подойдет. Надо признать, что слово свое он держал долгие годы.

О происшедшем мы ничего никому не рассказали. Лидка попыталась на свою голову выведать что-либо у Павла, после чего ей навсегда была заказана дорога в наш дом. Мы вычеркнули ее из своей жизни. Детство кончилось. Совсем скоро последний звонок и прощай школа. Павел упорно готовился к поступлению в тот же ВУЗ, который заканчивал старший брат. Он ничего не говорил мне о своих чувствах с того злопамятного вечера, продолжая оставаться для меня самым преданным другом. Я очень любила свою новую семью, но непроизвольно отдалялась от них все дальше и дальше, погружаясь в мир красок. Даже Павел не всегда понимал меня. Портретами я перестала заниматься, как только поняла, что постоянно пытаюсь набросать профиль Андрея – человека, не оставившего для меня места в своей жизни. Сердце еще щемило при воспоминании о нем, но время делало свое дело, да и нанесенная обида также способствовало тому, что я постепенно стала его забывать, по крайней мере, мне так хотелось думать.

***

После окончания школы я огоршила всех своим желанием уехать в Ленинград. К такому решению, как ни странно, меня подтолкнула баба Нюра. Не смотря на то, что она жила от нас отдельно, мы часто виделись, так как она очень скучала по Павлику. Из ее рассказов о своей жизни я узнала, что сама Нюра попала в наш город во время блокады легендарного города на Неве. В войну она потеряла всех своих близких, но одна ее подруга до сих пор проживала в Ленинграде. Вот с адресом этой старой подруги я и уехала поступать в художественную академию, имея при себе огромную папку со своими ненормальными рисунками.

Годы учебы в академии запомнились мне как сплошная круговерть красок и многочасового труда за мольбертом. Домой я приезжала на каникулы всего на пару недель и зимой, и летом. Все остальное время училась и рисовала, рисовала и училась. Я заставляла себя не вспоминать об Андрее, не задерживалась подолгу дома, не признаваясь себе, что боюсь с ним встречи. Павел также успешно поступил в институт, и ему очень нравилась его будущая инженерная специальность. О своих чувствах он ничего мне не говорил, но скучал по мне, и я видела это по его глазам, когда приезжала домой. А я, в свою очередь, не знала, как дать ему

понять, что мне не хочется становиться для него больше, чем сестрой. При любой возможности он приезжал ко мне в Питер, и мы гуляли по волшебному городу, взявшись за руки, как в детстве. Я видела, как Павлик рад нашим встречам и я тоже рада была его приездам. Мне как всегда было очень спокойно с моим братом, на которого всегда можно положиться. Но каникулы заканчивались, и Павлик уезжал домой. При расставании я видела грусть и сожаление в его глазах. Мне было и жаль его, и в то же время после его отъезда я испытывала непомерное чувство облегчения. Я снова оставалась одна, и ничто не отвлекало меня от нового увлечения.

В то время я занялась росписью по тканям, где также царствовал мой любимый синий цвет. Отчим вовремя успел сориентироваться в современной жизни и сделал успешную карьеру. Он уже работал в министерстве, и вся семья переехала жить в Москву. Именно он помог мне устроить мою первую персональную выставку, и впервые за несколько лет я встретила там Андрея. Я знала, что он работал у отца, но за все эти годы не видела его ни разу. Он меня не узнал, я поняла это по его равнодушному взгляду, которым он скользил по присутствующим в зале. Я же заметила его сразу. Он совсем не изменился, просто возмужал и стал еще привлекательнее какой-то особой мужской красотой. Он стоял рядом с Павлом, и тогда я впервые заметила, как братья похожи между собой. Странно, будучи художником, никогда раньше я не замечала такого сходства между ними. Наверное, потому что редко видела братьев вместе с тех пор, как мы стали взрослыми.

Рядом с Андреем стояла невысокая красивая блондинка с роскошными распущенными волосами. Я услышала, как она восхищалась выставленными работами, а Андрей при этом снисходительно ей кивал. Тогда я так и не подошла к ним. Вечером мы должны были встретиться в доме родителей. Андрей пришел с цветами и той блондинкой. Цветы он преподнес моей маме, на что она заметила, что виновницей торжества все-таки является не она, а ее дочь и с этими словами передала букет мне. Андрей уставился на меня, как будто видел впервые. Наверное, так оно и было. Он запомнил меня худой длинной девчонкой из своей юности, к тому же, привык к тому, что я всегда существую отдельно от их семьи. За весь вечер я не сказала ему ни слова, да у меня и не было такой возможности, поскольку даже рядом мы не оказались ни разу. Не знаю, что это было – полное равнодушие с его стороны или выполнение обещания, когда-то данное младшему брату. Для себя же я решила, что здесь присутствовал посторонний чужой человек, а не тот Андрей, который прилетал ко мне во снах на волшебных крыльях первой любви.

Как ни странно, но повышенное внимание я вызвала у его длинноволосой красавицы Тани. Девушка оказалась очень общительной и засыпала меня вопросами о моем увлечении тканевой росписью. Она призналась, что на этой выставке оказалась отнюдь не случайно, что не раз слышала обо мне от своих знакомых художников. Сама она слыла состоявшимся модельером, занималась элитными нарядами, и ей часто не хватало для работы интересных тканей. Таким образом, знакомство с Татьяной положило начало нашему творческому сотрудничеству на долгие годы. Признанный дизайнер модной одежды, она с удовольствием будет использовать расписанные мною ткани, которые успешно объездят полмира, и, в общем-то, станут для меня источником приличного дохода.

Но всему этому суждено было сбыться в будущем, а пока мы находились в самом начале нашего знакомства, которое омрачало ревностное сожаление, что не меня обнимали сильные руки Андрея. Из разговора с Таней я поняла, что они в очень близких с ним отношениях, а обо мне она знала только то, что его отец стал моим отчимом. Я смотрела на нее, тщетно стараясь понять, что в ней кроме внешней красоты привлекло Андрея, а в сердце холодной змеей вползала мысль о том, что я теряю его навсегда.

***

Синева, синева, я выплескивала ее на холст, пытаюсь заглушить свою сердечную грусть. После этой встречи я окончательно решила остаться жить в Питере. Игорь Сергеевич помог

мне с квартирой, там же я устроила и свою мастерскую. Я прикрывала свое нежелание возвращаться домой большой занятостью учебой и работой, но Павел, я думаю, догадывался об истинной причине такого решения. Мой верный друг, как всегда, видел меня насквозь. Мы встречались все реже и реже. Иногда я ловила на себе его задумчивый взгляд, от которого мне становилось не по себе. У них с братом абсолютно одинаковые глаза, но только в этих я видела столько любви, что иногда мне хотелось встряхнуть его и закричать, чтобы не любил он меня так сильно, что не нужна мне его такая преданная безмерная любовь. Возможно, Павел обо всем этом и сам догадывался, и потому ничем не выдавал себя и никогда не заговаривал о своем отношении ко мне. Если б могла я тогда знать, к чему подтолкнет его мое желание отдалиться от него, я бросила бы все и тут же вернулась домой.

Павел раньше меня закончил свой технический ВУЗ и к нашему общему удивлению отказался от работы у отца и ушел служить в армию. Об его поступке мне очень скупо рассказала мама. По ее грустному тону я догадалась, что она чувствовала себя виноватой перед Игорем в том, что его младший сын стал военным. Я поняла – все посчитали, что поступил он так из-за меня. Но я никогда ничего не обещала Павлу и потому не чувствовала за собой никакой вины. После этого я и вовсе перестала приезжать домой, сведя общение с домашними по телефону.

Вскоре, я уехала на стажировку в Италию, куда меня пригласили после успешной выставки моих акварелей. И на полгода выпала из нашей обычной жизни. За это время, я узнала из маминых телефонных звонков, что Андрей женился на Тане, а Павла отправили служить куда-то за границу. Время за творческой работой на чудной природе пролетело незаметно, а возвращение в стены родной академии произошло бурным и радостным. Наконец то собралась вся наша группа. Навалилось столько дел, что не было совсем времени съездить к родителям. Я пообещала маме, что, как только разберусь с работами, сделанными в Италии, и сдам последние зачеты, тут же к ним приеду.

***

Стоял безоблачный летний день, что являлось большой редкостью для Питера. Всей своей сплоченной творческой компанией мы решили съездить в Петергоф на зарисовки прославленного фонтанного каскада, который был особенно хорош в ярких лучах солнца. К вечеру небо неожиданно стало затягиваться тучами, и мы поспешили в обратную дорогу. Возвращаться решили на катере. Погода совсем испортилась, как и мое настроение. На душе стало тоскливо, очень захотелось увидеть своих родных. В последнее время я была так занята, что как-то некогда было скучать, а вот сейчас в минуту бездействия вдруг резко ощутила свое личное одиночество. К концу поездки закрапал мелкий противный дождик, разогнавший с пристани гуляющий народ. У самого причала я заметила высокого темноволосого мужчину, что-то очень знакомым показалось мне в его фигуре. Катер причалил, и мужчина стал напряженно всматриваться в проходящих людей – явно кого-то встречал. Вот он сделал несколько шагов вперед, и мне показалось, что это Павел. Ну, конечно. Кто ж еще способен маяться в такую погоду на холодном ветру. Сердце так радостно забилося, что пришлось даже прижать руки к груди, чтобы немного успокоиться. А я грустила, что одинока – вот же моя постоянная палочка-выручалочка. Он вернулся, и я кинулась ему навстречу. Встречающий мужчина тоже заметил меня, но продолжал оставаться на месте, кутаясь в теплый шарф и глубоко засунув руки в карманы брюк. Тогда поспешила я, улыбаясь и уже расставляя руки, чтобы обнять его. И вдруг наткнулась на холодный взгляд таких знакомых и в то же время таких чужих глаз. Андрей? Не сразу поверила своим глазам. На причале действительно стоял Андрей, и я не сомневалась, что он, ждал именно меня. Но почему? Зачем? Кожей чувствуя, какой ненавистью обволакивал меня молодой человек из нашего общего прошлого, я поняла – что-то случилось, что-то очень страшное и непоправимое – иначе этот мужчина никогда бы сам не приехал ко мне.

Видимо, вопрос о том, что случилось, я задала уже вслух, когда подошла к Андрею, так как он тут же кивнул головой в знак согласия. Даже не поздоровавшись, он процедил сквозь зубы, что я сейчас же должна поехать с ним в Москву, машина ждет, и он все расскажет по дороге. Все было так неожиданно и страшно, и я так давно не виделась с Андреем, что как обычно от испуга, не могла произнести ни слова. Я очень боялась, что начну опять задыхаться и только осознание того, что рядом нет моего Павлика с его волшебными ладонями, а этот чужой холодный мужчина не сможет мне помочь, удержало меня в норме.

По дороге Андрей рассказал, что Павел после службы остался работать в технических спецвойсках, и даже семья не знала, что он оказался в Северной Африке. Я так и не поняла, что делали наши военные специалисты в этой чертовой Африке, кто там с кем воевал, но Павел получил ранение в руку. И вроде бы ничего страшного, но это все-таки Африка, и жуткий климат, и страшная антисанитария. Короче, когда он попал в наш госпиталь, уже начался такой воспалительный процесс, что спасти его могла только частичная ампутация руки. И в настоящее время младший брат находился в Москве, и лучшие врачи не видели другого выхода, а он ни в какую не соглашался и, боясь, что это сделают, когда он заснет, Павел не спал нормально уже несколько суток и постоянно требовал, чтобы привезли к нему меня. И пока я не приеду, он ни на что не согласится, и спать не будет. Именно поэтому Андрей и приехал за мной. Он с трудом разыскал меня и сейчас у нас совсем мало времени. Павел тратил последние силы, борясь со сном, а ему предстояла сложная операция. Последними словами Андрея была странная фраза о том, что сейчас, когда мы стали взрослыми и самостоятельными людьми, нам необходимо забыть взаимные претензии и постараться помочь брату, ведь мы его все очень любим.

Я разглядывала сидящего рядом мужчину и думала, неужели это тот самый принц, о котором когда-то мечтала в наивной юности. Чуть сутулый усталый человек, на руке обручальное кольцо, чужой глухой голос. Да, Андрей прав, мы стали взрослыми. Осталось только сожаление о несбывшейся мечте, и в сердце пусто, и пустота эта давила теперь своей тяжестью так, что было больно дышать. Андрей завез меня домой и сразу же уехал, даже не дождавшись отца. Я знала, что он давно нормально общается с моей мамой, но, видимо, на меня это по-прежнему не распространялось. Мне и в голову не приходило, что он просто ревновал ко мне младшего брата. После его ухода я почувствовала непомерное облегчение, и поняла, что, наконец, освободилась от него полностью и навсегда.

В госпиталь я поехала вместе с родителями. По дороге мама умоляла меня повлиять на Павла, чтобы он успокоился перед операцией, а отчим все время молчал, глядя на меня глазами измученного человека. Мы вместе вошли в палату. У меня возникло ощущение, что мы попали в холодильник – таким белым и холодным все вокруг показалось. Горло стиснул спазм страха, и я начала задыхаться. В палате находилась только одна койка у окна, и оттуда огромные глаза на исхудавшем смуглом лице неотрывно смотрели на меня с такой любовью и таким облегчением, что, как в детстве, все страхи сразу покинули меня. С больничной подушки внимательно смотрел на нас взрослый сильный мужчина. Что-то было мне совсем незнакомым в этом исхудавшем покрытом непривычным загаром человеке. И все-таки это был мой Павлик.

Я внезапно поняла, что просто он впервые смотрит на меня так открыто, не скрывая свою любовь, не пряча ее за ширму братского участия, которую я сама и установила когда-то. Боже мой, какой же дурой я была! Столько лет мечтала о каком-то принце, а он всегда был рядом со мной, постоянно подставлял свое плечо под все мои невзгоды, а я все жила своими фантазиями о необыкновенной любви. И еще не подойдя к Павлу, еще до того как он ухватил мою руку, я поняла, что люблю его, люблю этого мужчину, и любила всегда, потому что только с любимым человеком бывает так хорошо и тепло, как всегда мне было рядом с ним. Просто я была наивной маленькой девочкой, а он был очень близко, и я его не разглядела.

Глаза Павла лихорадочно блестели и были красны от бессонницы. Он обхватил мои ладони здоровой рукой и счастливо засмеялся, повторяя, что наконец-то я пришла и сейчас все

будет хорошо. Он знает, что я ни за что не отдам его на растерзание хирургам, и он наконец-то сможет спокойно отдохнуть. Он верит мне и только мне и просит только об одном, чтобы я посидела рядом пока он немного поспит. А то у него совсем не осталось сил, а когда он поспит, то снова станет сильным и обязательно справится со своей болячкой, потому что сейчас я снова с ним, его сестричка, его любимая сестричка, и я ему обязательно помогу, и он выздоровеет. Непроизвольно для себя я отметила, как он споткнулся на слове «любимая» и как неохотно добавил к нему упоминание о сестричке.

Я поцеловала его в сухие горячие губы, заверив, что все будет именно так, как он говорит, и я ни за что не отойду от него. Не успела я устроиться рядом в кресле, как Павел уже крепко спал, по-прежнему держа мои руки в своей ладони. Дыхание его сначала было неровным, с какими-то стонами, лицо дергалось, но вскоре он успокоился и окончательно провалился в крепкий сон. Все это время родители молча наблюдали за нами, так и не отойдя от дверей. Когда Павел заснул, Игорь Сергеевич тихо спросил, что я намерена делать дальше. Я также тихо ответила, что буду смиренно караулить здесь, как и обещала его сыну.

Я осторожно держала пальцы больной руки Павлика в своих ладонях и мысленно молила того, кому молятся все, богу или судьбе, не знаю, мне было все равно. Я молила спасти самого дорогого мне человека. Сколько раз ладошки Павлика возвращали меня к жизни, и казалось, сейчас эта подаренная мне сила возвращалась от меня к нему, я физически ощущала, как мое внутреннее тепло переливалось в его измученное тело.

Павел спал уже вторые сутки, спал спокойно, иногда меня подменяла мама, но ни на минуту мы не оставляли его одного. К концу следующего дня у него спала температура. Врачи только удивленно переглядывались, но нас не трогали. Все ждали пробуждения больного. Когда Павел проснулся, его первые слова были о том, что наконец-то он отдохнул и теперь точно знает, что скоро выздоровеет. А еще, сказал он, глядя мне прямо в глаза, если бы я знала, как он проголодался. Я наклонилась и прижалась к его небритой щеке, не давая ему увидеть слезы в моих глазах. Как же я по тебе соскучилась, шептал он мне, а я отвечала, что никогда больше не покину его.

– Неужели ты решила вернуться в семью, под опеку своего занудного брата? – тихо рассмеялся Павел.

– Нет, – отвечала я, – у меня больше нет брата, я просто хочу всегда быть рядом с любимым мужчиной.

Павел неожиданно резко приподнялся с подушки и обхватил меня за плечи.

– Если бы ты только знала, как я люблю тебя. Я люблю тебя с того самого первого дня, когда увидел несчастную девочку на ободранном чемоданчике возле проходной отца. Я любил тебя все эти годы, зная, что сердце твое занято другим и даже ни на что, не надеясь, я продолжал любить тебя.

Мне хотелось упрекнуть его в том, что за любовь надо бороться, что надо было мне помочь разобраться в сердечных делах, а не уходить в тень старшего брата. Но все упреки я отложила на потом, а сейчас только шептала ему слова любви и уверенности в том, что все плохое осталось позади.

С этого дня Павел быстро пошел на поправку. Необходимость в операции отпала, остался только небольшой шрам от пулевого ранения. Врачи недоумевали, а баба Нюра не выдержала и рассказала им нашу историю, на что главный доктор только пожал плечами. Он был слишком старым и мудрым, чтобы поддаваться эмоциям, но лечащий врач достаточно хорошо помнил свою молодость для того, чтобы, грустно вздыхая признать, что любовь все-таки может творить чудеса.

***

Там, где кончается асфальт, начинается другая дорога. Она может быть неровной и ухабистой, а может оказаться такой чудесной, что захочется скинуть обувь и побежать дальше

босиком, как в детстве. И нежная травка-муравка защекочет босые ноги, а по сторонам будут качаться на ветру ярко-синие цветы в солнечных бликах между лепестками, провожая тебя в счастливый путь – туда, где снова начинается асфальт.

Эта горькая сладкая нежность

День близился к концу. Мягкая осень позолотила листву деревьев. Постепенно двор наполнялся гвалтом детворы, выпущенной на волю после усердного выполнения уроков. Из распахнутых окон доносился людской шум – это домочадцы под включенные телевизоры спешили после работы управиться поскорее с домашними делами, и за ужином пообщаться, наконец, с близкими, выговориться – просто отдохнуть среди родных стен.

Она видела, как он вернулся. Она знала, что скоро он выведет на прогулку лохматого пса и тогда... Да, вот тогда она наконец подойдет к нему. Столько лет, столько долгих лет без него. Нерастроченная нежность захлестнула ее, нежность и любовь. За долгие двадцать девять лет она ни на один год не выпускала его из виду, она знала о нем все. Он не знал о ней ничего.

Он не захотел узнать ее тогда, когда она приехала к нему в первый и, как оказалось, в последний раз. Приехала, чтобы понять, почему он исчез так внезапно, почему не откликнулся на ее письма, полагая, что случайные обстоятельства разлучили их и все вернется, надо только встретиться. Как она была наивна, как ошибалась. Влюбленная, переполненная романтическими чувствами и надеждами, не заметила его равнодушной нелюбви. А должна была, ведь она – женщина, а значит, всеми фибрами души, всей кожей, каждой клеточкой должна была это понять. Нет, ничего не понимала. Вот и получила сполна.

***

Анна Ковалева возвращалась из очередного отпуска. Поезд дальнего следования мерно раскачивал вагон, колеса убаюкивающе стучали по рельсам, будто поддакивая ее мыслям – «на Восток, я еду на Восток». За окном мелькали высокие ели, поутру за их раскидистые нижние ветви цеплялся плотными клочьями туман, казалось, будто это таежные великаны поймали облака, легкомысленно спустившиеся на ночную землю. Туман низко стелился по траве, пока утреннее солнце не расправилось с ним, безжалостно превратив в легкую дымку, обещающую отличный летний день. Жаль только, что в такую замечательную пору приходилось томиться в душном вагоне поезда.

Ехать предстояло довольно долго – более пяти суток. Сначала купе было заполнено, но через два дня они оказались одни – она и молоденький лейтенант, возвращавшийся в свою часть после недельной побывки на родине. Попутчик был угрюм, все время, безмолвствуя, глядел в окно, и по всему было видно, что был чем-то очень расстроен.

Пока ехали в заполненном купе, Аня старалась не обращать на него внимания, хотя парень отчего-то сразу запал ей в душу. То ли отрешенный взгляд огромных глаз в девчоночьих ресницах, то ли редкой породы именно мужской красоты лицо заставляло учащенно биться ее сердечко всякий раз, когда подсаживался он на ее полку, чтобы выпить чай, постоянно приносимый ему щедрой проводницей, видимо также очарованной стройным офицером. Но ночью лейтенант никуда не исчезал, и Аня по-женски злорадствовала, что проводнице ничего не отломилось от красавца.

А когда проезжали сибирскую станцию со смешным названием «Ерофей Павлович» воспоминания прошлого захватили и перенесли ее на семь лет назад. Тогда глупой восемнадцатилетней девчонкой с головой, набитой романтическими бреднями, попала она на глухую таежную станцию по распределению после окончания техникума связи.

Родители Ани, сполна приняв участие в разработке залежных земель, так и остались на просторах освоенной целины, поскольку здесь у них были и дом, и работа. Может, и тосковали они по земле своих предков, богатой широкими реками и густыми лесами, но детям о своей тоске никогда не говорили – все равно деваться было некуда. Где имелось жилье – там и жилось.

Но перспектива прожить всю жизнь в своем целинном поселке с воскресными танцульками в местном клубе Анечку – отличницу и красавицу, совсем не устраивала. Вот и отправилась она в крупный город, где жила ее родная тетка, поступать в техникум – какой все равно, лишь бы вырваться из скучного поселка. В то время тетка служила на центральном телеграфе, и часто курировала практику студентов местного техникума связи. Такое стечение обстоятельств и решило все за девушку.

Но судьба оказалась отнюдь не злодейкой – выбранная специальность по дальней связи Анечке очень понравилась. Закончила она заведение весьма успешно и осталась в областном центре могла спокойно, но захотелось девочке романтики, приключений. Когда еще мир посмотришь, как не в обремененной ничем юности. Тем более что знакомых ребят позабিরали всех в армию. Хотя, если признаться, никто особенно ее не интересовал, и никому из них горячих писем она писать не собиралась.

Вот так и очутилась Аня Ковалева старшим техником междугороднего пункта связи на глухой сибирской станции. Поначалу чувствовала себя Анечка неудобно в роли начальницы над престарелым механиком Егорычем и тетей Таней, выполнявшей обязанности телефонистки, завхоза и уборщицы одновременно. Жила Анечка рядом с пунктом в доме той же тети Тани. Питались они с ее домашнего хозяйства и теми продуктами, которые Егорыч привозил на стареньком раздолбанном «газике» из ближайшего магазина, находившегося от них в нескольких часах езды.

Поезда на малоприметной станции останавливались редко, да и те стояли всего несколько минут. Аня долго не могла понять – зачем вообще нужна была их станция. Первый год пролетел очень быстро – сказала необычность обстоятельств и необходимость к этим обстоятельствам как-то приспособливаться. Казалось еще немного и девушка взвост от рутины ничего не происходящего вокруг, но неожиданно жизнь выкинула такой финт, такой зигзаг завернула, что было уже не до размышлений о тоскливом существовании.

Надвигался новый 1969 год. Последний месяц уходящего года выдался особенно снежным. Ночные метели сменяли снежные дневные бураны. Казалось, уже весь мир погребен под снегом и застыл от неумолимого космического холода. Неуютность жизни на станции добавляли постоянные помехи междугородней связи. Плохая слышимость разговоров портила настроение еще больше, чем усиливающиеся морозы, особенно когда по служебному каналу выговаривали Анечке нелюбезные слова армейские чины, линии связи которых также проходили через ее узел. Ей постоянно приходилось контролировать состояние их каналов.

Сначала девушка не очень обращала внимание на переговоры военных, пока до нее не дошло, что те все чаще говорили о каких-то провокациях со стороны китайской границы. А когда Анечка услышала о боевых действиях, то и вовсе пришла в смятение. Она хорошо помнила, как еще с третьего класса переписывались они через свой школьный клуб «Мира и дружбы» с китайскими школьниками.

До сих пор у родителей в семейном альбоме хранились красочные открытки и необычные ленточки, присланные ей тогда китайским школьником, ее однокласском. Дети и фотокарточками в то время обменялись. Как поразились они тогда, что на фото у худенького симпатичного Чжо Шуа глаза оказались вполне круглыми. Мальчуган совершенно не походил на широколицых узкоглазых китайцев с пестрых лозунгов, заверявших в вечной дружбе великих народов, которыми увешен был красный уголок местного клуба.

И уж совсем не ожидала Аня, что будет, помимо своей воли, допущена вплотную к информации о происходящих событиях на китайской границе в конце 1968 года. Неожиданно явился на станцию военный посыльный, показал ей приказ, что до специального распоряжения обязана она безвылазно находиться на своем пункте связи.

Сначала девушка попыталась сопротивляться – мол, есть тут более опытные люди, но так получилось, что только она оказалась здесь дипломированным специалистом. Ни Егорыч, ни

тетя Таня не могли оставаться на связи при объявленных чрезвычайных обстоятельствах. Закончилось все тем, что старшего техника Ковалеву не просто закрыли в избе с аппаратурой, а еще и двери опечатали. Еду молодой начальнице должны были подавать через окошко, впрочем, как и выносить помойное ведро.

Сначала девушке представлялось, будто она участвовала в военизированной игре, похожей на школьную зарницу, что проводилась у них в старших классах. Но вскоре события на границе приняли такой оборот, что Аня места не могла себе найти от страха. Спасибо, что днем то тетя Таня, то Егорыч постоянно находились возле дома, успокаивая ее, что у них на станции тихо и спокойно, чего вовсе нельзя было сказать о том, что творилось у военных. Особенно беспокойно стало по ночам. Аня спала плохо, ей постоянно снился сон, что узкоглазый китаец в огромном тулупе с автоматом в руках пытался пролезть в окошко избы.

Когда военный инцидент на границе затих, закончилось и вынужденное заточение Анечки. Более того, в награду за неукоснительное выполнение своих служебных обязанностей, девушке вручили Почетную грамоту и разрешили уехать домой, несмотря на то, что еще не истек ее срок отработки как молодого специалиста. Вскоре Ковалевой прислали обещанную замену, и она вернулась домой.

Но жизнь в родном поселке показалась Ане невыносимо пресной и скучной. Больше всего ее поразила расхлябанность и состояние постоянного подпития местных парней. Масла в огонь вскоре добавила и тетушка, благодаря которой Аня получила свою профессию. Тетка решительно советовала племяннице уезжать из родного дома, пока не затянуло ее житейское болото.

Так Анна Ковалева и сделала и никогда об этом после не пожалела. Успешно окончив заочный институт, девушка вот уже несколько лет работала по договору в крупной воинской части. Еще раньше на одной из летних сессий познакомилась она с парнем, который в то время здесь служил. Вроде чувства какие-то начинались. Он пригласил – она приехала. Понравилась и работа, и симпатичный аккуратный городок. Как востребованному специалисту дали ей комнату в общежитии.

Но любовь быстро закончилась, а может, и не было ее вовсе, а возможно, просто настораживала неумная тяга парня к бутылке. Во всяком случае, с приятелем обратно она не поехала, когда кончился у того срок службы. Так и осталась жить и работать здесь – почти на Дальнем Востоке. После защиты институтского диплома получила Аня повышение по службе и новую однокомнатную квартиру. Все бы хорошо, но не складывалась только личная жизнь. Иногда появлялись в ее доме молодые люди, но никто не задел глубоко, так чтобы хотелось прижаться к мужской груди, обхватить крепко и не отпускать никуда, никогда.

А тут вдруг сердце защемило от непонятно откуда возникшей нежности к тихому попутчику с грустными глазами. Похоже, обидели его крепко, напрасно, иначе не затаилась бы в них такая глубокая печаль. Весь день молодой человек провалялся на верхней полке, и не понятно было – спал он или просто отмалчивался, уткнувшись в стенку. Девушке очень хотелось растормошить парня, утешить, отвлечь, но она никак не могла придумать повод для начала разговора – ну не гладить же его по головке как маленького, на самом деле.

Наступил вечер. Тишина купе убаюкивала, и Аня не заметила, как заснула. Разбудил ее громкий стук открывающейся двери купе. Она испуганно открыла глаза и попыталась соскочить с полки, стараясь увернуться – на нее падало что-то большое и тяжелое. В купе было довольно темно, и девушка не сразу поняла, в чем дело, пока не раздался недовольный смешок проводницы, чтобы та помогла ей прикантовать кавалера на место.

Как поняла Аня, пока она дремала, попутчик смотался в ресторан и там отвел душу по полной программе. Повезло, что вагон-ресторан находился рядом, и добру молодцу хватило сил добраться до своего вагона, где и подхватила его сердобольная проводница. Странно только, что женщина привела пассажира на место, а не в свое купе, подумалось тогда Анне. С начала пути было видно, до чего понравился офицер разбитной проводнице, как обхаживала

его шустрая молодайка. Но ответ оказался банально прост. Когда позже в тот вечер Аня ходила за кипятком, то заметила, что в служебном купе чаевничал сам начальник поезда.

Так лейтенант остался в ту ночь на ее постели. Огромная луна освещала мелькавшие за окном вагона лесные поляны, и озаренные ее бледным светом пейзажи придавали ночи нереальность происходящего. Аня не спала. Расположившись напротив, она любовалась лунной ночью, временами поглядывая на спящего соседа. Спал он очень беспокойно, иногда вскидывая руки, будто спорил с кем-то в пьяном сне, стараясь что-то доказать со скрипом на зубах, до испарины на лбу. Сладкое чувство нерастроченной женской нежности захватило Аню. Она не могла больше спокойно наблюдать, как мучился во сне человек, прекрасно понимая, что плохо ему вовсе не от выпитого не в меру спиртного, а оттого, что всю дорогу терзало его сердце.

Девушка присела на край полки, убрала со лба парня взмокшие пряди волос и начала тихо гладить по лицу. Она склонялась все ниже и ниже, шепча нежные слова утешения. Внезапно молодой человек раскинул руки и улыбнулся, так и не раскрыв глаза. Девушка поняла, что он продолжал спать, и уже хотела подняться, но непреодолимая сила возникнувшего желания поцеловать его, снова толкнула ее вниз. И как только она коснулась нежным поцелуем его губ, мужчина крепко обнял ее и привлек к себе. Никогда ранее она не любила так сильно, так нежно, как в эту лунную ночь под равномерный стук колес поезда, идущего на Восток.

Они проснулись одновременно. Попутчик продолжал крепко удерживать девушку на своей груди. По его изумленному взгляду Аня сразу догадалась, что тот ничего не помнил, хотя по той степени раздетости, в которой они пребывали, нетрудно было сообразить, что произошло между ними ночью. Оба в полном молчании привели себя в порядок, пряча глаза, как провинившиеся школьники.

Женщина не выдержала первой, когда попутчик стал извиняться, считая, что произошло недоразумение. Она сразу почувствовала, что лейтенант решил от всего откреститься, посчитав виновной в случившемся только девушку. Впрочем, так оно и было. Инициатива действительно исходила от нее. Еще ночью, когда все произошло, когда Аня испытала неведанное ранее чувство любовного полета, она поняла, что именно здесь и встретила того единственного, ради которого стоило жить

Более того, глядя на чужое, но неожиданно такое любимое лицо, Анна страстно решила – как бы ни сложилось у них в дальнейшем, она отчаянно хотела от него ребенка. Ей скоро двадцать семь лет и там, куда она возвращалась, у нее не было ни малейшей надежды обрести семейное счастье. Сейчас как никогда Анна ясно это понимала. У нее остались только сутки, еще целые сутки, чтобы попытаться завоевать человека, так отчужденно сидящего сейчас напротив.

Конечно, ничего о своих далеко идущих планах Аня своему попутчику не сказала. Но сама, не ожидая от себя такого, в открытую нагло призналась, что молодой офицер ей очень понравился, и что она ни о чем не жалеет. Постепенно напряжение отпустило, они успокоились и, наконец, познакомились.

Звали его Алексеем. Внезапно, молодой человек разоткровенничался и рассказал, как не пришла попрощаться на перрон любимая девушка, по которой он тосковал долгий первый год службы в армии. Он так надеялся на их встречу, так ждал ее, признавался в любви, желая добиться ответного чувства, заверений, что и она его будет ждать. А подруга только смеялась, близко не подпускала, а под конец даже не пришла проводить.

На вокзале собрались их общие друзья, в том числе и ее близкая подруга, которая и проговорила, что у его девушки ухажеров хватало и без него. Свои переживания Алексей изливал незнакомке откровенно, как водится в пути, когда знаешь, что скоро конечная станция, и разбегутся попутчики в разные стороны, и не встретятся больше никогда. Не зная, чем все-таки закончится их встреча, Аня тоже довольно подробно рассказала о себе.

Какого же было удивление ее спутника, когда оказалось, что возвращалась молодая женщина на работу в ту же часть, что и он. Алексей служил там после окончания медицинского института в местном госпитале. По специальности был он хирургом и с нетерпением ждал окончания службы. Умелым эскулапом он зарекомендовал себя еще во времена студенческих практик, и ему обещали место в главной клинике родного города. Та девушка, о которой он рассказывал, была его сокурсницей, и сейчас работала в этой же больнице.

Аня отметила про себя, что Алексея не очень обрадовало то, что они едут в один пункт назначения. У нее же напротив все внутри пело от того, что она сможет и в дальнейшем продлить с ним знакомство. Ей как связисту, не составит большого труда разыскать молодого хирурга в местном госпитале. Оставалось еще, правда, выяснить фамилию попутчика, которую тот явно не хотел ей раскрывать.

Днем они вместе пообедали в ресторане, на этот раз обошлось без выпивки. Аня отметила, как, выговорившись, Алексей успокоился. Она же, в свою очередь, изо всех сил старалась его развлечь, рассказывая байки из жизни связистов. Наступил последний вечер в дороге. Парень в купе не спешил. Он весело переговаривался с проводницей, которая готовила вечерний чай для пассажиров, и по ее грудному смеху чувствовалось, как приятно ей общество молодого лейтенанта. Не выдержав их рандеву, Аня направилась к титану, и, отгеснив Алексея, попросила для них двоих принести чай в купе, после чего решительно подхватив своего попутчика под руку, увела за собой.

Чай им вскоре проводница принесла, а, прикрывая дверь, хитро подмигнула Ане, оттопырив вверх большой палец руки. Сначала фривольное обращение с его персоной задело молодого человека. Но потом соперничество двух симпатичных девчат неожиданно привело его в веселое расположение духа.

Жизнь прекрасна, и надо брать то, что она ему предлагала в настоящий момент. А потому, когда спустились сумерки, он не стал зажигать свет в купе, а с удовольствием ответил на любовные игры своей новой знакомой. Невдомек ему были ни глубина ее чувства, ни ее решительные на него виды, ни далеко идущие ее жизненные планы. Сейчас, стараясь забыть нанесенную любимой обиду, он отдавался минутному удовольствию, нежной женской ласке, которую дарила ему случайная встреча.

Приближались новогодние праздники. Анна долго не решалась позвонить Алексею, хотя давно знала его местные координаты. Но всякий раз, когда собиралась она набрать заветный номер, перед глазами вставала картина их расставания после краткого дорожного знакомства. Он с ней даже не попрощался, а просто кивнул и, подхватив свои вещи, легко спрыгнул на перрон.

Надеясь на продолжение отношений, она попыталась его остановить, предложить подвести, так как знала, что ее обязательно будут встречать. Еще не верила, что совсем не задела его сердце своей нежностью, на которую он так бурно отвечал прошлой ночью. Но достаточно было увидеть, каким холодным стало лицо мужчины, когда обернулся он на ее окрик, чтобы понять, что отношения эти закончились ранним утром в купе вагона дальнего следования, так и не начавшись.

Она едва сдержала себя, чтобы не кинуться ему вдогонку. Ей все же хватило выдержки, чтобы махнуть ему рукой и приятно улыбнуться на прощание – мол, все хорошо, прощай милый попутчик. От притворной улыбки и кокетливого махания, Аня чувствовала себя последней дурой, прекрасно понимая, что выглядела в его глазах легкомысленной девицей.

Ночи любви под стук колес прошли для Ани без последствий, о чем она очень жалела. Девушка без труда узнала полное имя и адрес молодого хирурга местного госпиталя. Она даже заимела там своего тайного личного агента. В госпитале работал муж одной из местных телефонисток, с которой Аня часто оказывалась в одной смене. Сначала она просто старалась под-

держивать знакомство с Натальей, но постепенно девушки сдружились, пока не подозревая, что сохранят теплые отношения на долгие годы. От подруги Аня и узнала о готовящемся празднике в местном театре для медицинских работников и приложила все усилия, чтобы попасть туда, надеясь на встречу с Алексеем. В тот раз она ему так и не позвонила, боясь спугнуть своим неожиданным звонком.

Новогодний бал находился в разгаре, народ веселился – как умел, кто пел, кто пил, молодежь танцевала. Одна Аня Ковалева чувствовала себя лишней на зимнем празднике жизни – Алексея Дорохова она здесь не нашла. Ната познакомила ее со своим мужем Денисом, и Аня решила его расспросить о коллеге, представившись давней знакомой Алексея.

– Вот не знал, что у парня здесь есть такие хорошенькие давние знакомые, – с неожиданным сарказмом отреагировал на нее Денис, – только вот по всему видать, еще одна давняя знакомая все ему не пишет, и тоскует Лешка сейчас где-нибудь возле буфета.

– Так он все-таки здесь? Пришел?

– А чего не придти-то? Не пить же у себя дома в одиночку. Мы договорились после этого мероприятия пойти вместе к нам, для продолжения банкета так сказать. Присоединяйся, дорогая, облегчи душу давнему знакомому, – пьяно хохотнул мужчина.

Не желая больше выслушивать двусмысленные фразы захмелевшего мужа подруги, Анна отправилась на поиски того, ради которого сюда и пришла.

Алексей сидел в самом дальнем углу буфета в окружении молоденьких девушек, которые весело щебетали вокруг него, явно польщенные вниманием симпатичного кавалера. Аня ожидала встретить тоскующего парня, но увиденная картина выбила ее из равновесия.

Девушка направилась к веселому столику, и неожиданно для себя самой решительно растолкав щебетуний, подхватила Алексея под руку и повела в зал, проговорив что-то про обещанный танец. Мужчина не сопротивлялся, игриво прижимая девушку к себе и пьяно посмеиваясь, он умело повел ее в медленном танце, нашептывая ласковые слова.

Горячая волна нежности охватила Анну. Ну почему, почему она не позвонила ему раньше, вот он рядом и помнит ее. Она крепче прильнула к сильному плечу, испытывая радость узнавания любимого человека, когда его тихий как дыхание горячий шепот окатил ее словно ледяной волной. Вокруг резвились люди под сменившийся ритм танца, а партнер, крепко обнимая и осыпая ее шею поцелуями, все продолжал шептать чужое женское имя.

Первое утро нового года они встретили вместе в ее квартире. Смешно было наблюдать, как долго Дорохов приходил в себя, недоуменно оглядывая стены чужого дома. Она очень боялась, что он ее не узнает, или сделает вид, что не узнал. Но опасения оказались напрасными. Неожиданно Алексей повел себя как старый приятель. Они тихо позавтракали и договорились вечером о встрече.

Женское счастье Ани Ковалевой длилось почти три месяца. Они встречались регулярно, но как бы ни близки были по ночам, Алексей ее жизнью не интересовался, да и личными планами с ней не делился. Она постоянно чувствовала полное безразличие и внутреннюю отстраненность любимого человека. Будто отгородил он свое сердце от нее глухой ширмой. Аня старалась не задавать лишних вопросов, пытаясь сделать пребывание его в своем доме приятным и необходимым.

Иногда ей казалось, что вот оно ее счастье пришло, наконец, к ней. Еще немного и сильный мужчина, который согревал иногда ее постель, поймет и примет ее любовь и растает та неприкаянная грусть, которая постоянно таилась в его глазах. Но Аня ошибалась.

Нет, не хватило ее любви, чтобы оттеснить ту далекую, ту незнакомую, которая раньше ее заняла в сердце Алексея место любимой женщины. Дорохов вдруг перестал не только приходить к ней, но и подходить к телефону. То ей отвечали, что он в командировке, то на ответственной операции. А когда она смогла, в конце концов, поймать его по служебному телефону,

услышала от приятеля резкие слова, чтобы не использовала она служебное положение и больше ему сюда не звонила.

Она и ответить то ничего не успела от растерянности, как в трубке раздались короткие гудки. Ошеломленная Анна не могла поверить, что так грубо с ней только что говорил человек, которого она считала для себя самым близким, самым дорогим, человек, которого она любила.

А вскоре Анна Ковалева поняла, что беременна. До сих пор Алексей не давал о себе знать, но будущая мать посчитала необходимой личную встречу, чтобы видеть его глаза, когда расскажет о ребенке. Сначала она решила через друзей узнать, где в настоящее время обитал Алексей. До чего же была Анна удивлена, когда узнала, что Дорохов вот уже больше месяца, как демобилизовался. На вопрос, как же так, ведь время еще не вышло, Денис ответил, что напротив, молодой хирург прослужил больше положенного срока по собственному желанию, но, получив, наконец, долгожданное письмо от любимой девушки, отбыл в родные края.

– Он уехал, он уехал, даже не простившись. Он уехал от меня навсегда, – крутилось в голове Анны. – Я опять осталась одна. Нет, не одна, у меня будет сын, у меня обязательно будет от него сын.

Ей понадобилось три года, чтобы оправиться от тяжелых родов, детских болезней сынишки, чтобы заглушить обиду мужского предательства. Но иногда нет, нет, да и задумывалась Анна о том, что скажет она сыну, когда тот осознает, что бывают у детей папы. Адрес Алексея ей был известен. Так уж судьба распорядилась, что мужа подруги перевели служить в его город. Позже она узнала, что друзья заранее договорились о совместной работе.

Во всяком случае, Наталья давно звала в гости, и Анна решилась на поездку. Она знала, что Алексей до сих пор жил с родителями и был не женат. Сколько раз она порывалась написать ему о сыне, но воспоминание о грубости последнего разговора отбивало все желание поделиться радостью своего материнства. К тому же она считала, что подобные вести необходимо доносить при личной встрече, смотря друг другу в глаза.

Как благодарна была потом Аня судьбе, что не хватило ей тогда смелости явиться к Дорохову сразу домой, а, набрала она его номер с ближайшего таксофона. Трубку взяла молодая женщина и веселым голосом начала допытываться, кто желает поговорить с ее Алешей. Не зная как представиться незнакомке, Анне ничего не пришло в голову, как назваться коллегой по работе.

– Алло, слушаю, – наконец услышала она знакомый голос.

– Здравствуй Алексей, – еле сдерживая себя, чтобы не расплакаться, проговорила Анна.

– Привет, – довольно холодно ответил мужчина, – и по наступившей паузе Аня поняла, что он ее не узнал. – Я слушаю, в чем дело?

– Алеша, это я, Анна.

– И что дальше?

– Ты, что совсем меня не помнишь?

– Ну, не очень что-то.

– Я Аня Ковалева, я здесь проездом, понимаю, мы не виделись несколько лет, но мне очень надо с тобой увидеться.

– А, я так не думаю. Вот, помню, виногрет был классный, а ты где сидела, справа или слева от него? – неожиданно хохотнул Дорохов. – Но все равно продолжения банкета не хочу, и не звони мне больше, – вдруг грубо добавил он и повесил трубку.

Аня не могла поверить, что только что об нее вытер ноги человек, о любви с которым она грезила бессонными ночами, которому она мечтала рассказать об их сыне. Глаза жгли невыплаканные слезы, в груди боль сжимала сердце в каменный комок и, казалось, еще немного и его тяжесть пригнет к земле и не даст больше сделать ни одного глотка воздуха. Женщина смутно помнила, как ничего не рассказав подруге, она в тот же день улетела домой.

Давно надо было расстаться с наивными девичьими мечтами. Забыть, надо все забыть. Она ни на мгновение не поверила, что Алексей не узнал ее, не вспомнил. Но своей грубой репликой, как пощечиной, он ясно дал понять, что ничего в его жизни она не значила, никакого места не занимала. Он вычеркнул ее из своей памяти в тот же день, как уехал. Точно так же как тогда, когда выскочил из вагона в первую их встречу, думая, что пути их никогда более не пересекутся.

А они еще как пересеклись, но винить Дорохова Анна не могла. В конце концов, все их близкие встречи были инициированы ею самой. Это она любила, это она хотела стать матерью. Он даже не догадывался о силе ее чувства. Сколько раз она собиралась произнести слова любви и не могла, натываясь на равнодушный взгляд мужчины. У нее есть замечательный сын, и она сделает все необходимое, чтобы они были с ним счастливы.

***

Жизнь постепенно налаживалась. Антошка рос смышленным мальчуганом, и давно перестал задавать вопросы о своем отце. Она думала, что сынок пойдет по ее стопам, станет инженером. Помнит, как на десятилетие подарила ему техническую энциклопедию, которую умудрилась достать ее дорогая тетушка. В то время надвигающегося всеобщего дефицита купить что – либо стоящее, будь то продукты или книги становилось все труднее. Она тогда сама с упоением перелистывала глянцевые страницы огромной книги, повествующие о древних и современных достижениях науки и техники. Но... сын выбрал совсем другой путь. Возможно, и правы те, кто уверяет, что своим пристрастиям человек обязан своим генам. Ничего не зная об отце, наперекор желанию матери Антон окончил медицинскую академию.

Каждый год, отправляясь с сыном в отпуск, где бы они его не проводили, Ковалевы заезжали в этот город, где жил Он. Формально для сына это звучало, как погостить у старых друзей тети Наташи и дяди Дениса. Там Антон и увлекся благородным делом врачевания. Давая подружкам провести время одним, Денис забирал иногда любознательного мальчугана в свои поездки на машине скорой помощи. Дорохов в то время резко пошел в гору по административной линии, и как-то так незаметно, но разошлись пути дорожки прежних приятелей. Денис изо всех сил тянул в своем городе разваливающийся штат скорой помощи, а Алексей возглавил завод медпрепаратов.

Жизнь Анны Ковалевой состояла из двух параллелей, которые не мешали друг другу, поскольку не пересекались. Она работала, растила сына, радовалась его успехам, тщательно следила за собой, но никого не впускала в свою личную жизнь. На протяжении почти четверти века коренным образом изменилась жизнь страны. Вырос сын и не просто встал крепко на ноги, а успешно повел собственные дела, связанные с фармацевтикой. Окружающим казалось, что Анна полностью растворившись в жизни сына, застыла в ней неизменной в своем состоянии – ухоженная одинокая женщина, только мать, только домохозяйка.

Ее долго не отпускал страх абсолютного безденежья в студенческие годы сына, когда ничего нельзя было купить, даже если удавалось получить зарплату. До сих пор она замирала перед заваленными продуктами и импортными товарами полками супермаркетов, не в силах быстро выбрать из цветного нагромождения ярких этикеток что-то определенное. В конце концов, сын сам набирал корзину, снисходительно, подталкивая мать к выходу, привычно расплачиваясь карточкой, чем всякий раз вызывал у нее неизменную улыбку гордости за такого самостоятельного взрослого сына.

Ах, как хотелось ей, порой, показать Антона тому, кто подарил ей радость материнства. В этой другой параллели ее существования жил своей жизнью, шел уверенно своей дорогой Алексей Дорохов. Шел круто, шел уверенно. Оказавшись очень высоко, он легко перескочил бурные годы перестройки, встретив ее в богатом кожаном кресле. Она знала, что он женился на той, чье имя шептал в ее постели. У них росла единственная дочь, в которой Дорохов души не чаял. Он слыл примерным семьянином и ни в чем не отказывал любимым домочадцам.

Но вот уж поистине – сапожник без сапог – ну не делал доктор медицинских наук Дорохов примитивных прививок от энцефалита. Возвращаясь однажды с дачи, заметили они на дороге ежика. И уже вполне взрослая дочь, но дитя города, не удержалась, чтобы не прихватить его к себе домой, обещая к следующим выходным вернуть зверька обратно в лес. Выручила брезгливость супруги, которая ни за что не соглашалась тащить колючее создание в городскую квартиру. К тому времени пошел дождь, и главе семейства самому пришлось водворять ежа под придорожный кустик.

Почувствовав себя неважно, Алексей не придал большого значения легкому ознобу, и тем самым упустил драгоценное время, чтобы вовремя заблокировать инфекцию. Болезнь протекала тяжело, он выкарабкался, но ... чтобы вынырнуть из небытия ему пришлось провести в клинике более трех месяцев.

Домой жена привезла сильно постаревшего и очень уставшего от борьбы с болезнью человека. Совершенно седой с нечленораздельной речью и почти неспособный передвигаться вследствие паралича муж казался ей абсолютно незнакомым чужим пожилым человеком. Она не могла примириться с мыслью, что мужчине, занимающему рядом с ней место в супружеской постели немногим более пятидесяти лет и что это обожающий ее долгие годы красавец Алексей Дорохов.

В годы совместной жизни муж все заботы брал на себя, и она знала – что бы ни случилось, Алексей выручит, выкрутится, достанет, добьется, одним словом, сделает все, чтобы оградить ее и дочь от всех напастей. Но вот жизнь внезапно повернулась к ней обратной стороной – это они сейчас с дочерью должны были что-то предпринимать, что-то делать, чтобы не захлебнуться в нахлынувших на них проблемах. Мало того, что немощный муж требовал ухода как маленький ребенок, но вдобавок надо было заниматься и финансовым состоянием семьи.

Неблагоприятный прогноз на будущее состояние здоровья Дорохова привел к тому, что тот лишился кресла директора завода, и начались денежные неприятности. Незадолго до болезни мужа дочь познакомилась с американским офицером ВВС, когда тот прогуливался на центральной площади, разыскивая свое посольство. Может, не более так сильно отец, дочка еще подумала бы, а стоит ли продолжать романтические отношения с иностранным военным. Но тягостная обстановка домашней больницы подстегнула ее решение выйти замуж и уехать из страны. А когда дочь сообщила о приближающихся родах и выслала матери приглашение, отъезд жены выглядел вполне благоразумным и необходимым.

Не мог предположить тогда Алексей Дорохов, что женщина, которую он боготворил с юности, с легким сердцем оставляла его в пустой квартире, сама себе не признаваясь, что не собирается больше сюда возвращаться. Когда жена уезжала, он с трудом смог проводить ее до входной двери, опираясь на трость, стараясь выговорить нежные слова любви и отчаяния от надвигающегося одиночества. Но жена смогла расслышать только невнятное бормотание, которое нестерпимо раздражало ее последние месяцы. Хотелось быстрее покинуть стены, пропахшие лекарствами и не касаться, неопрятного парализованного старика с мелко трясущимися губами не пробритого лица.

Несмотря ни на что, он старался, он очень старался жить. Мощный инстинкт самосохранения, который удерживает человека на краю пропасти забвения, захватил организм и, потихоньку вытаскивал Дорохова из болота впившихся в тело и душу болячек. За последние годы, когда во главу всех отношений ставились дела денежные, Дорохов растерял старые связи, а новые не выдержали проверки. Спасительным оказался неожиданный визит старого знакомого Дениса, с которым служили когда-то вместе в дальневосточном госпитале, а на гражданке дружба не задалась, и встречаться доводилось только по долгу службы. Личных отношений никогда не выясняли с тех самых пор, когда Дорохов ясно дал понять другу, что ничем обязанным себя не считает перед их общей знакомой Анной Ковалевой.

Денис пришел тогда один со стандартным набором фруктов и небольшой спортивной сумкой, из которой жестом фокусника извлек толстолапного щенка. Никто из них не предполагал тогда, что из пушистого комочка в скором времени вырастет огромная преданная собачина, которая станет на долгие месяцы единственным членом семьи Дорохова. Теперь у него были постоянные обязанности – собака требовала еды и ежедневных прогулок. Алексей неизменно каждое утро отправлялся с животной в ближний продуктовый магазинчик, а вечером на прогулку по заброшенному скверу на задворках их переулка.

В разговорах с псиной постепенно вернулась речь, на прогулках окрепли ноги. Он научился работать с ценными бумагами, и жизнь спокойно потекла тихим ручейком, без всплесков и ярких проблесков человеческого счастья. Появились деньги, и он подолгу разговаривал с дочерью, стараясь скрывать в голосе тоску и отчаяние одиночества. Жена никогда не подходила к телефону, не стала она с ним разговаривать даже тогда, когда, получив от нее документы на развод, Алексей хотел поговорить с ней, не в силах поверить, что она действительно решила его бросить навсегда.

***

Алексей Дорохов сидел в тихой квартире, устремив взгляд на противоположную стену, где висел семейный портрет. Смеющаяся дочка – школьная выпускница, красавица жена в вечернем платье и он – роскошный мужчина в смокинге. Неужели это было? Когда это было? В другой жизни? Он так их любил, он так их любит. Что он сделал не так? Почему сейчас один? От тоскливого созерцания фотографии Алексея оторвало прикосновение мокрой носопырки преданного животного – будто чувствуя горькое настроение хозяина собака, тихо поскуливая, все тыкалась мордой в его ладони. Накинув отработанным движением на лохматого друга ошейник и привычно пристроив в руке трость, Алексей направился на прогулку.

***

Анна Ковалева и Алексей Дорохов возвращались. Поезд дальнего следования мерно раскачивал вагон, колеса убаюкивающе стучали по рельсам, будто поддакивая их мыслям – «на Восток, мы снова едем на Восток». За окном мелькали давно забытые лесные пейзажи. Он уже не помнил, когда последний раз ездил по железной дороге. Они решили так из-за пса, который сейчас по-хозяйски растянулся во все купе, уложив довольную морду на колени женщины и прикрыв глаза, благосклонно принимал ее почесывания.

Алексей все никак не мог принять то, что дама, сидящая напротив него в купе, есть та легкомысленная, как он считал тогда особа, которая, будучи старше на несколько лет, обхаживала его своей заботой и любовью. Ее чувства тогда мало его волновали – он был всецело занят собственными переживаниями и принимал ее женское участие, как должное, в конце концов, она от него получала, что хотела. Разве мог он предположить, что она решится на судьбу матери – одиночки.

Дорохов взглянул на Анну, в который раз стараясь припомнить ее тогдашнюю, молодую, и не мог – не помнил. Очень уверенная в себе красивая женщина, сидящая напротив, выглядела намного его моложе и казалась ему абсолютно чужой и незнакомой. Зачем? Зачем же он согласился поехать с ней? От тоски и одиночества? Или от той пустоты, что поселилась в душе после развода с женой? Нет, решающим для него, явилось то, что в дальнем городке его ждал сын, его сын. Взрослый сын, которому сейчас на несколько лет больше, чем ему тогда, когда он впервые встретился с Анной.

Поглаживая собаку, которая прилежно урчала у нее на коленях, прикрыв глаза, Анна старалась успокоиться. Она не ожидала, что так быстро получится задуманное. Но вот он, Алексей Дорохов, сидит напротив, почти рядом, почти вместе, измученный болезнью и одиночеством человек. Сердце щемило от любви и нежности.

Ах, эта горькая сладкая нежность, которую она пронесла к нему через всю жизнь! Ну, куда ж от нее деваться, если каждый день она видела молодого Дорохова в лице сына, который

с годами все больше становился похожим на своего отца. Женщина прекрасно понимала, что именно приглашение сына явилось тем главным, что повлияло на решение Алексея поехать с ней, а никак не чувства к ней самой. Да и какие тут могут быть чувства, если за четверть века он даже ни разу не вспомнил о ней. Но ей хватит сил со всем этим справиться – и с его болезнью, и с его равнодушием, хватит нерастроченной женской любви и нежности, чтобы обрести, наконец, свое полное семейное счастье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.